

СЕРГЕЙ ЕСИН
СЕМЕН РЕЗНИК

ДОГОВО
СМЫСЛА
И ВЫМЫСЛА

ПЕРЕПИСКА ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

Семен Резник

**Логово смысла и вымысла.
Переписка через океан**

«Алетейя»

2011-2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Резник С. Е.

Логово смысла и вымысла. Переписка через океан /
С. Е. Резник — «Алетейя», 2011-2017 — (Русское зарубежье.
Коллекция поэзии и прозы)

ISBN 978-5-00165-185-7

Переписка двух известных писателей Сергея Есина и Семена Резника началась в 2011 году и оборвалась внезапной смертью Сергея Есина в декабре 2017-го. Сергей Николаевич Есин, профессор и многолетний ректор Литературного института им. А. М. Горького, прозаик и литературовед, автор романов «Имитатор», «Гладиатор», «Марбург», «Маркиз», «Твербуль» и многих других художественных произведений, а также знаменитых «Дневников», издававшихся много лет отдельными томами-ежегодниками. Семен Ефимович Резник, писатель и историк, редактор серии ЖЗЛ, а после иммиграции в США – редактор и литературный сотрудник «Голоса Америки» и журнала «Америка», автор более двадцати книг. В их числе исторические романы «Хаим-да-Марья» и «Кровавая карусель», книги о Николае Вавилове, Илье Мечникове, Василии Парине, Алексее Ухтомском и других выдающихся ученых, историко-публицистические произведения, из которых наибольший резонанс вызвала книга «Вместе или врозь?», написанная «на полях» скандально-знаменитой дилогии А. И. Солженицына. Живя по разные стороны океана, авторы не во всем были согласны друг с другом. Но их объединяло взаимное уважение, личная симпатия и глубокая любовь к литературе. В книге письма писателей друг к другу перемежаются фрагментами из обсуждаемых ими произведений. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-185-7

© Резник С. Е., 2011-2017

© Алтейя, 2011-2017

Содержание

Предупреждение одного из авторов	7
Неуемный человек памяти Сергея Есина[1]	8
Москва – Вашингтон – Москва	13
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**Сергей Николаевич Есин,
Семен Ефимович Резник
Логово смысла и вымысла
Переписка через океан**

© С. Е. Резник, 2021

© С. Н. Есин, наследники, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Предупреждение одного из авторов

Я долго думал над тем, имею ли я право ставить на обложку этой книги имя Сергея Есина, чем как бы напрашиваюсь к нему в соавторы. Согласия на это Сергей Николаевич мне не давал, а теперь уже его не спросишь. Но выпустить только под своим именем книгу, добрая половина которой написана Есиным, я не могу, потому из двух «зол» выбрал меньшее.

Оправданием мне может служить уверенность в том, что Сергей Николаевич не возражал бы против публикации нашей переписки. Порука этому – тома его Дневников, которые он отважно издавал при жизни, ничего не утаивая. В «Дневнике 2011», в записи от 22 февраля, когда наша переписка только начиналась, есть на то и прямое указание: *«Кстати, недавно получил письмо от Резника, на которое еще не ответил, письмо, по обыкновению очень информативное... Я думаю, что со временем, если удастся, соберется новая книга переписки с Америкой»*.

Доминирующим предметом нашей переписки было обсуждение литературных произведений, которыми мы обменивались. Сергей Николаевич щедро дарил мне свои книги, я пытался не отставать, но производительность писателя Сергея Есина была более высокой, чем моя. Получая от него объемистые тома, я отвечал куда более скромными презентами, «пристегивая» их к своим электронным письмам.

Сергей Николаевич очень живо и конкретно откликался на эти пристежки. Их тоже пришлось включить в книгу – без этого смысл писем был бы значительно обеднен. То же касается фрагментов из книг Есина, на которые откликался я.

Отчетливо сознаю, что подбор этих фрагментов субъективен. Вполне вероятно, что Сергей Николаевич выбрал бы иные фрагменты, но он уже этого сделать не может. Следовало бы поместить обсуждаемые произведения Есина целиком, но тогда объем книги разросся бы до невероятных размеров – в несколько толстых томов. К каждому фрагменту дана библиографическая справка, так что при желании легко найти любое обсуждаемое произведение.

Как понятно из сказанного, в основе книги лежит моя переписка с С.Н. Есиным, но только к публикации писем она не сводится. Текст книги многослоен. К письмам, которыми мы обменивались в течение нескольких лет, с нашего заочного знакомства в январе 2011 года и до дня внезапной кончины Сергея Николаевича даются примечания и комментарии, а также *приложения*, в которых полностью или частично приводятся произведения, обсуждаемые в письмах.

При подготовке писем к печати я, по возможности, выправлял орфографические, синтаксические, иногда стилистические погрешности, удалил адреса и номера телефонов, которыми мы обменивались, в отдельных случаях и фрагменты текстов, чтобы избежать повторения того, о чем уже говорилось в предшествовавших письмах. Этим в основном исчерпываются внесенные поправки. Независимо от того, как я сегодня отношусь к тем или иным высказываниям С.Н. Есина и моим собственным, смысловых поправок в текст писем не вносилось. Так что публикуемые письма вполне аутентичны оригиналам.

Семен Резник

Вашингтон

Неуемный человек памяти Сергея Есина¹

О кончине известного писателя, ученого-литературоведа, профессора и многолетнего ректора Литературного Института им. А.М. Горького Сергея Николаевича Есина я узнал с большим – полугодовым – опозданием. Как справедливо указано на задней обложке одной из его книг, «Сергей Есин – имя знаковое, это один из виднейших писателей современной России». Там же перечислены некоторые его «знаковые» произведения. Прежде всего, это роман «Имитатор», который вышел в первый год «перестройки» и сделал Есина знаменитым писателем. «Но еще раньше многие его повести и рассказы, появившиеся в журнале “Юность”, – “Мемуары сорокалетнего”, “Р-78”, “При свете маленького прожектора” – стали достоянием самого широкого читателя. В годы перестройки С. Есиным были написаны романы “Гладиатор”, “Казус, или Эффект близнецов”, “Гувернер”, “Смерить Титана”, “Соглядатай». К ним можно добавить ряд не менее значимых произведений, созданных Сергеем Есиным в постсоветский период.

Последний раз мы с ним виделись за месяц до его неожиданного ухода, в Москве, куда я был приглашен в связи с Вавиловскими юбилейными торжествами и выходом в свет моей книги «Эта короткая жизнь: Николай Вавилов и его время» (М., Захаров, 2017).

Сергей Николаевич был и выступил на презентации моей книги в Тимирязевской Академии. А на следующий день принимал нас с женой в своей прекрасной, по московским стандартам, квартире, заставленной шкафами, до отказа набитыми книгами. Книги также лежали стопками на столах, стульях, креслах... Мы пиروвали в узком кругу, по-свойски, за кухонным столом. Кроме нас троих был ученик и коллега Сергея Николаевича по Литературному институту, профессор Сергей Петрович Толкачев.

Сергей Николаевич умел и любил готовить и получал явное удовольствие, видя, как гости уплетают шедевры его кулинарного искусства.

Хотя кулинаром он стал не от хорошей жизни.

На заре своей юности, будучи начинающим журналистом и работая в редакции газеты «Московский комсомолец», Сергей Есин особо отличил сотрудницу той же редакции Валентину Иванову – талантливую журналистку, у которой, по его собственным словам, он многому научился. Валентина Сергеевна Иванова стала позднее ведущим российским киноведом.

Они сошлись – не столько характерами, сколько общими интересами. Совместная жизнь супругов не была безоблачной.

¹ Расширенный вариант эссе, опубликованного в сетевом журнале «Мастерская», 6 июля 2018 г. (<http://club.berkovich-zametki.com/?p=39130>)

Горячие споры нередко переходили в столкновения, что привело к разрыву и разводу. Пять лет ушло на то, чтобы оба поняли, что не могут жить друг без друга. Они снова сошлись и были по-настоящему счастливы, пока судьба не обрушила на них страшную беду. На Валентину Сергеевну навалилась тяжелая, неизлечимая болезнь: ей отказали почки. Три раза в неделю ее увозили в больницу, где кровь очищали от шлаков сеансы диализа – болезненные, выматывающие все силы... Встречи с киноактерами и режиссерами, посещения киностудий, горячие обсуждения, поездки на кинофестивали, даже на дачу – все это ушло в прошлое...

Передо мною лежит книга, единственная в своем роде, составленная Сергеем Есиным уже после кончины его супруги.

На обложке крупным планом очень привлекательное, задумчивое женское лицо и под ним одно слово «**ВАЛЕНТИНА**».

На титульном листе: **Сергей Есин. ЕЕ ДНИ...**

Подзаголовок уточняет: «В книгу включена повесть Валентины Ивановой “Болезнь”, в 2008 году опубликованная в журнале “Новый мир”».

Ниже дарственная надпись:

«С.Е. Резнику – дорогой Семен, горьковатая это книга. С.Е.»

При проверке оказалось, что на титульном листе указана неверная дата. Повесть Валентины Ивановой была опубликована в «Новом мире» на десять лет раньше, в 1998-м. Видимо,

при подготовке книги к печати Сергей Николаевич еще так остро переживал то, о чем было рассказано в повести, что подсознательно приблизил ее на целое десятилетие.

Повесть «Болезнь» потрясает поразительной открытостью автора, просветившего, словно рентгеном, самые таинственные закоулки души человека, обреченного на повседневные страдания и близкую неминуемую кончину. В книге повесть Валентины Сергеевны обрамлена исповедальными страницами ее мужа, выписками из его дневников, воспоминаниями ее коллег, друзей, знакомых... Завершает повесть единственное в своем роде интервью Валентины Ивановой с собственным мужем, в котором она допытывается: как живет ему, такому неукротимо-деятельному человеку, писателю, профессору, ректору, участнику всевозможных комиссий, комитетов, фестивалей, – как ему живет с нею, отрезанной болезнью от мира, замкнутой на себя, беспомощной, одинокой, наполненной черной тоской, которую она выплескивает на мужа, когда он приходит домой после предельно напряженного дня.

Книга не горьковатая, а очень и очень горькая!

И – полная оптимизма.

Потому что она не о болезни. Она о мужестве. О верности. О любви.

При своей предельной загруженности, Есин постоянно бывал в больнице, одаривая нянечек и медсестер, а дома сам ухаживал за больной Валентиной, варил, стряпал, мыл полы и посуду – все делал сам. Финансовые средства, конечно, позволяли нанять домработницу, но он не хотел постороннего человека в доме.

...С Сергеем Николаевичем Есиным я познакомился уже после смерти его жены, через нашего общего друга Марка Авербуха, который послал ему две мои книги: «Непредсказуемое прошлое» и «Запятнанный Даль» (обе вышли в 2010 г.). Зная, как Сергей Есин завален повседневными обязанностями, а сверх того – книгами и рукописями разных авторов, жаждущих его авторитетного отзыва на свои творения, я полагал, что до моих книг он доберется нескоро. Однако он сразу же их прочитал и прислал очень теплое письмо.

Так завязалась наша переписка. Она не была интенсивной, прерывалась на многие месяцы, но когда я ее просмотрел, то увидел, что она значительно содержательнее, чем я сам ожидал.

Первый раз мы встретились в 2011 году, когда я был в Москве после выхода в свет моей книги «Сквозь чад и фимиам», изданной под эгидой Московского бюро по правам человека². Директор Бюро Александр Брод организовал ее обсуждение в Общественной палате РФ. На то время, на которое было назначено обсуждение, у Есина в Литинституте был запланирован семинар. Он его отменил, пришел и выступил одним из первых. Его выступление было коротким, но очень содержательным.

В те же дни я был у Есина дома и испытал на себе его щедрое хлебосольство. Заочное знакомство перешло в личную дружбу.

У меня на полке 20 книг Сергея Есина. Одна из них, написанная совместно с Марком Авербухом, подарена Марком, остальные – самим Сергеем Николаевичем. Последний щедрый подарок – его пятитомное собрание сочинений, привезенное нами из Москвы. Некоторые из романов, включенных в пятитомник, как «Имитатор», «Марбург», я читал раньше, другие прочитал впервые. В пятитомнике 14 романов – малая доля им написанного.

Совершенно особое место в творчестве Есина и во всей русской литературе занимают его «Дневники» – летопись литературной и общественной жизни России последних турбулентных десятилетий. Они выходили томами-ежегодниками, что обозначено на обложках. Сергей Николаевич показал нам полку с этими томами: не знаю, сколько их точно, но заведомо

больше двадцати. У меня их девять – все с дарственными

² Семен Резник. Сквозь чад и фимиам. Историко-документальная проза разных лет: События, портреты, полемика // М, Academia, 2010.

надписями. Последний издан в 2017 году: «ДНЕВНИК-2015».

Дарственная надпись:

«Дорогой Семен Ефимович! С невероятным почтением посылаю очередную книгу моих заметок. Жаль, что видимся редко. С. Есин».

И вот мы снова увиделись! Разговор был таким живым и интересным, что мы с женой допустили непростительную промашку, о которой вспомнили, когда уже садились в такси: забыли все вместе сфотографироваться.

Перед отъездом из Москвы я позвонил Есину, чтобы попрощаться. Он сказал несколько очень мне приятных слов о книге «Эта короткая жизнь», которую он уже прочитал, и сообщил, что говорит со мной из Екатеринбурга.

Мое последнее письмо Есину датировано 10 июня 2018 года. Я не знал, что он уже его не получит.

Не дождавшись ответа, я решил побеспокоить Сергея Петровича Толкачева, отыскав его визитную карточку в пачке карточек, привезенных из Москвы. Ответ пришел незамедлительно: Сергей Николаевич Есин умер еще в декабре...

Бросился к интернету, чтобы узнать подробности.

«Есин умер не больным и немощным стариком. За все, что он сделал, ему была подарена прекрасная смерть. Сергей Николаевич ушел во сне. Уехал на переводческую конференцию в Минск, где должен был выступить сегодня утром, но не проснулся. Через неделю в Литинституте готовились праздновать 82-летие Сергея

Есина», написала в «Комсомольской правде» Евгения Коробкова, специальный корреспондент отдела культуры.

Значит, после Екатеринбурга он еще успел поехать в Минск.

Неуемный был человек.

Мир праху его.

Семен Резник

Вашингтон

Примечания

Москва – Вашингтон – Москва

Сергей Есин – Семену Резнику

31 января 2011 г. (*Письмо переслано Марком Авербухом*)

Уважаемый Семен Ефимович! Я буквально несколько минут назад закончил чтение Ваших двух книг – читал и по главам, и одну после другой – и не могу не поблагодарить Вас за столь щедрый дар и не сказать несколько слов о самих Ваших книгах. От Вашей присылки на меня дохнуло забытым уже обычаем, когда писатели посылали друг другу книги, и имело значение именно товарищеское мнение, а не точка зрения вороватой и неискренней критики. Это, пожалуй, первое.

Вы, наверное, сами понимаете, с какой жадностью я прочел два Ваших сочинения. Так сложилось, что почти сразу же, как только пришла почта с книгами, я уезжал на десять дней поближе к солнцу. В прошлом году отпуска летом у меня не было, что будет в году этом неизвестно, а тут нагрянули студенческие каникулы. Протащил Ваши книги вместе со своим компьютером через половину земного шара. Последнюю страницу Ваших «выбранных мест»³ я уже дочитывал под шумок кондиционера и шелест пальм⁴.

Удивительным образом вы умеете обманывать читателя. Когда на 387-й странице Вы приводите цитату из Рабиновича, предваряя замечанием, что таким образом этот почтенный автор заканчивает обе свои книжки, и когда я начинаю этот пассаж читать, я начинаю волноваться: не может этот почтенный автор такое написать. Для этого надо иметь ум, сердце, не замутненное махровым национализмом, понимание страны и предмета изложения. С чувством облегчения почти тут же узнаю – это Ваше перо⁵.

Так вот позвольте Вам, по современной терминологии, «русскоязычному» писателю, сказать, что Вы написали свою книгу замечательным русским языком. Вы прекрасный полемист, иногда я просто хохотал, читая Ваши короткие ремарки. Bravo!

Я уже написал коротенькую записку нашему общему знакомому Марку Авербуху, только вынув Ваши книги из упаковки и перелистав их. Боюсь по разным поводам, но мы идем с Вами по одним и тем же следам. И Ф.Ф. Кузнецов, и В.Н. Ганичев – все это и мои персонажи. На пленуме СП России, в самом начале перестройки, когда неизвестно [было], что и куда вывезет, я один единственный не был согласен с назначением этого деятеля «русской православной церкви», перед этим занимавшимся комсомолом, первым секретарем. Ф.Ф. [Кузнецов] был на суде уличен мною в мелком жульничестве, когда он подписал моим именем статью, нужную ему в его политических целях⁶.

³ С.Резник. Непредсказуемое прошлое: Выбранные места из переписки с «друзьями» // Спб., «Алетейя», 2010.

⁴ С.Н. Есин провел каникулы в Таиланде.

⁵ Заключительный сюжет (сюжет семнадцатый) в книге «Непредсказуемое прошлое» – это памфлет по поводу книги «Быть евреем в России: спасибо Солженицыну» (М., «Алгоритм», 2005), изданной под именем некоего Якова Рабиновича. Книга оказалась наполовину плагиатом из первого издания моей книги «Вместе или врозь?» (М., «Захаров», 2003), а на вторую половину – плагиатом из других авторов, что и продемонстрировано в памфлете. Это не помешало издательству «Алгоритм» выпустить ее вторично в сокращенном объеме и под другим названием.

⁶ Ф.Ф. Кузнецов, В.Н. Ганичев – персонажи книги «Непредсказуемое прошлое». Валерий Николаевич Ганичев (1933–2018) – один из ведущих идеологов так называемого национал-патриотизма. Был высокопоставленным чиновником ЦК комсомола, потом директором издательства «Молодая гвардия», потом главным редактором «Комсомольской правды», затем был «разжалован» в редакторы «Романгазеты». После распада СССР и Союза писателей СССР стал активным поборником «православия-самодержавия-народности»; был избран первым секретарем Союза писателей России. Феликс Феодосьевич Кузнецов (1931–2016) – второстепенный литературный критик, и один из ведущих литературных чиновников. Был первым секретарем Московского отделения Союза писателей СССР, а после его распада стал директором Института мировой литературы.

Знаю я и С.Н. Семанова⁷. Впрочем, недостаточно. Я и не очень всегда лез в писательские дразги и не всегда вчитывался во все тексты. Вы здесь, конечно, эрудированнее и значительно глубже меня. Собственно успех Вашей книги и книг в известной мере составляет не только чувство уважения и любви к собственному народу – вот написал эту строчку и подумал, а так ли велики различия у людей, говорящих и думающих на одном языке, – но то знание исторических реалий, которые и создают подлинность. Читал с карандашом и коечто пометил.

Естественно, первую «стойку» я делаю на Велижском деле, о котором никогда прежде не слышал. Не слышал я и о поступке [Мордвинова] во время суда над декабристами⁸. Это, конечно, поступок, но это и русский характер, в котором немыслимое благородство иногда уживается с черной подлостью. Мы столько веков прожили с оглядкой: а что скажет барин. Ну, а дальше по тексту шли детали: и полуслепая Каплан⁹, которую, оказывается, сожгли в бочке...

Что касается «Протоколов [сионских мудрецов]» то, как и в «кровь младенцев», в наше время уже поверить невозможно. Мне очень давно дали их посмотреть в журнале «Юность». Мне как филологу сразу стало ясно, что от них за версту несет подделкой. Так интересно было, каким образом мог возникнуть у нас этот замысловато-нелепый текст. Его не окружала ни сакральная тайна, ни какой-либо ритуал, который давал бы ощущение времени, когда подобное могло появиться. По сути, это так же нелепо, как и «христианские младенцы». Их, правда, можно отнести к заскорузлости средневековья. Меня порадовало, что хоть «мудрецы» – это не русское изобретение¹⁰. Как бы все это забыть и перестать и одной стороне, и другой вести счеты.

Мне кажется, к этому призывают Ваши книги. Но читая их, я не перестаю удивляться изобретательности наших с Вами соотечественников. Очень хорош и бесспорен параллельный анализ в Вашей книжке «Словаря» Даля и «Розысканий»¹¹. Если бы я до сих пор оставался ректором, то я бы сказал, что по этой книжке вполне можно защищаться, а так это лишь пожелания, не подкрепленные «административным ресурсом». Глава другой книги с Рабиновичем¹² вызвала у меня восторг. Как это люди ничего не боятся и какая бесстыжая жажда славы ими руководит. Можно еще писать и писать, но напоследок – какой молодец Савкин, я его знаю¹³. Впрочем, Ваша книга для издателя ход беспроигрышный. Остался только вопрос с Солженицыным. У меня есть оба тома¹⁴, второй мне показался скучным, но все же первый мне показался некой попыткой наведения мостов, не могу от Вас скрыть и это.

⁷ Сергей Николаевич Семанов (1924–2011) – писатель и историк, один из ведущих идеологов «национал-патриотизма». Был заведующим редакцией серии «Жизнь замечательных людей», затем главным редактором журнала «Человек и закон», в годы перестройки занимал другие посты.

⁸ Граф Н.С. Мордвинов (1754–1845) – один из персонажей моей книги «Непредсказуемое прошлое», а также исторического романа «Хаим-да-Марья». Мордвинов был единственным членом суда над декабристами, который выступил против смертного приговора обвиняемым. Как член Государственного Совета, сыграл основную роль в оправдании подсудимых по так называемому Велижскому делу, по которому более 40 евреев обвинялись в ритуальных убийствах христианских детей. Велижское дело положено в основу моего романа «Хаим-да-Марья».

⁹ О Фанни Каплан, полуслепой террористке, стрелявшей в В.И.Ленина в 1918 г., упоминается в моей книге «Непредсказуемое прошлое» (С. 301–302). Была расстреляна без следствия и суда комендантом Кремля Мальковым. Труп сожжен в бочке Мальковым и поэтом Демьяном Бедным.

¹⁰ Увы, Сергей Николаевич принял желаемое за действительное: «Протоколы сионских мудрецов» были сфабрикованы российской тайной полицией.

¹¹ Анонимное сочинение «Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употребление крови их», впервые появилось в 1844 году. С 1913 года многократно переиздавалось под именем В.И.Даля. В моей книге «Запятнанный Даль» доказана непричастность Даля к этому «розысканию».

¹² Имеется в виду сюжет 17-й книги «Непредсказуемое прошлое»: «Алгоритм Рабиновича».

¹³ Издательство «Алетейя», в котором издана книга «Непредсказуемое прошлое», возглавляет Игорь Савкин.

¹⁴ Речь идет о двухтомнике А.И. Солженицына «Двести лет вместе» (2001, 2002).

За бортом осталось и многое другое: и Катаев, и Аннинский, и Куняев и наконец-то мне ставшая известной тайна гастролей наших писателей по Америке¹⁵. Постепенно разберемся во всем.

Творческих и других успехов
С. Есин

Семен Резник – Сергею Есину

2 февраля 2011 г.

Уважаемый Сергей Николаевич!

Марк Авербух переслал мне Ваше письмо и Ваш электронный адрес, по которому отвечаю. Сердечное спасибо за столь лестный отзыв на мои две книги, а больше всего за то, что Вы так быстро и так неравнодушно их прочитали. Я думаю, что имею некоторое представление о Вашей занятости, а потому сам этот факт звучит для меня сильнее любых похвал.

Мне было интересно узнать, что при выборах Ганичева писательским генсеком (или как это называется) Ваш голос «против» был единственным! А знаете ли, как его принимали в Союз Писателей? Мне рассказывали, что когда шло обсуждение в приемной комиссии, то его представили от секции прозы как замечательного писателя и издателя, внесшего большой вклад и т. п. Тут же поднялся кто-то из «подготовленных» членов комиссии и горячо поддержал. А потом взял слово другой член комиссии и сказал примерно следующее:

«Я не понимаю, где я нахожусь. Скоро мы будем принимать в Союз Писателей завскладов и директоров магазинов, в которых отовариваемся. Товарищ Ганичев, возможно, очень хороший директор издательства, но я хочу знать, что он написал. За ним числится брошюра «Комсомол и печать», три печатных листа. Не маловато ли это для приема в Союз Писателей?»

При тайном голосовании он получил три или четыре белых шара и больше 30 черных. А после этого секретариат его принял единогласно¹⁶. Многие секретари издавали в «Молодой гвардии» многотомные собрания сочинений.

Что касается Сергея Семанова, то я Вас развлеку небольшим отрывком из моего интервью, вернее, диалога с поэтессой Верой Зубаревой, который был в прошлом году в сетевом издании «Кругозор»¹⁷. Я там коротко комментирую последнее из попавшихся мне его высказываний на «русско-еврейскую» тему, из коего заключил, что он, кроме всего прочего, заметно поглупел.

Солженицын, конечно, не Куняев и не Семанов, я нисколько не удивляюсь, что Вы увидели в его книге [«Двести лет вместе»] попытку наведения мостов. Чтобы разглядеть все геологические напластования в его двухтомнике (вернее, в первом томе, во втором-то многое на поверхности), требуется глубокое бурение, то есть надо быть в теме. Я-то в ней с 70-х годов, с того времени, когда набрел на Велижское дело¹⁸ и погрузился в него и в смежные материалы.

Много тогда всего сошлось, что заставило меня взяться за разработку этого сюжета. И то, что о нем никто ничего не знал. Из всех моих знакомых писателей-историков, занимавшихся

¹⁵ Все указанные писатели фигурируют в моей книге «Непредсказуемое прошлое». В ней же кратко упоминается о скандальной поездке по США в 1990-м году группы писателей националпатриотического толка во главе со Станиславом Куняевым. Подробнее об этих «гастролях» – в моей книге «Красное и коричневое» // Вашингтон, «Вызов», 1991, С. 272–299.

¹⁶ Согласно Уставу Союза Писателей, ключевым этапом при приеме новых членов Союза являлось решение Приемной комиссии, но оно считалось рекомендательным и затем утверждалось секретариатом СП. Обычно это была пустая формальность, но не в данном случае. Ганичев был принят в Союз Писателей, вопреки решению Приемной комиссии.

¹⁷ Сетевой журнал «Кругозор» издается в Бостоне Александром Боляным.

¹⁸ Дело о ритуальном убийстве евреями христианских детей в городе Велиже (1823–1835) – основа моего исторического романа «Хаим-да-Марья».

Пушкинской эпохой, никто о нем не слышал; только Натан Эйдельман, эрудит из эрудитов, сказал: «Постой, постой, это, кажется, как-то связано с адмиралом Мордвиновым». И то, что мне к тому времени стало тесновато в рамках биографического жанра, хотелось попробовать себя в более свободном жанре. И то, что тогда стала как раз циркулировать в «патриотическом» самиздате «Записка Даля»¹⁹. Мне как-то стало ясно, что ритуальный миф – это не навсегда ушедшее прошлое, он вернется, и его надо встретить во всеоружии. Ну и т. д. и т. п.

Не думал тогда, что застряну на этой теме (то есть еврейскоантисемитской). Но Велижское дело потянуло за собой Кишиневский погром²⁰. Параллельно шла публицистика, о которой Вы знаете²¹. Потом началась борьба за выезд, потом – здесь – за выживание. А тем временем в России расцвела «Память»²², ну и дальше потянулась цепочка.

Когда я прочитал первый том Солженицына, я убедился, что отделаться просто рецензией, хотя бы и пространной, не могу: получится петушиный наскок «какого-то Резника» на великого писателя, страдальца и правдолюбца. Чтобы распутать искусные кружева, которые сплел А.И., пришлось написать параллельную книгу в 700 страниц. Работа технически была нетрудная именно потому, что я был в теме, но очень сложная психологически. Все время надо было держать в уме масштаб личности критикуемого автора, перед которым сам в прошлом преклонялся.

Пока писал это письмо, из Бостона пришло сообщение о кончине Ильи Матвеевича Соломина. Это тот самый сержант Соломин, который воевал в звуковой батарее Солженицына, при аресте А.И. припрятал его бумаги, которые потом передал [его жене Наталье] Решетовской. Вскоре загремел в лагерь, а после лагеря не был реабилитирован, хотя все его подельники были. По просьбе его друзей, я несколько лет назад послал письмо Путину с просьбой вернуть Соломину боевые награды, коих его лишили как «врага народа». Я даже получил ответ, что дело рассматривается, но так ничего и не сдвинулось, хотя потом и другие обращались.

Странная психология у этого поколения, от которого остались уже считанные единицы. Казалось бы, после всего, что он пережил; после того, как распрощался с последними иллюзиями, уехал из страны, – что ему эти награды! Ан, нет, свербело!

Желаю Вам здоровья, успехов, и еще раз спасибо!

Ваш С.Р.

Приложение

Из диалога Веры Зубаревой²³ и Семена Резника

// «Кругозор», декабрь 2009 г.

<http://www.krugozormagazine.com/show/Resnik.557.html>

...А вот свежеспеченный пример совместимости русского и еврейского этносов, правда, анекдотический. В только что появившемся номере журнала «Новый мир» (№ 11, 2009) опубликована выдержка из нового произведения Сергея Семанова. В 1970-е годы Сергей Николаевич возглавлял редакцию серии «Жизнь замечательных людей», в которой я работал, так

¹⁹ «Записка о ритуальных убийствах», приписывавшаяся В.И. Далю.

²⁰ Материалы о Кишиневском погроме (1903) – основа моего исторического романа «Кровавая карусель».

²¹ Моя книга «Непредсказуемое прошлое: Выбранные места из переписки с друзьями» на две трети составлена из статей, памфлетов, пародий и связанной с ними переписки с редакциями, которые отказывались их печатать. Она относится к концу 1970-х годов, то есть до моей эмиграции из СССР.

²² Национально-патриотическое общество «Память». Одна из последних моих статей на эту тему: Наталия Тихомирова, Семен Резник. Светлая память и темная «Память» // «Заметки по еврейской истории, 2018, № 8–9 (2010). <http://z.berkovichzametki.com/2018-znomer8-9-tihomirova/>

²³ Вера Зубарева – известный поэт, литературовед, издатель, редактор сетевых литературных журналов «Гостиная» и «Орлита». Живет в Филадельфии.

что он был моим прямым начальником. Личные отношения у нас были вполне корректные, почти приятельские. Если мы с ним были «несовместимы», то отнюдь не этнически. Он был адептом «русской идеи», потому его и поставили руководить ЖЗЛ. Смысл же этой «идеи» был и остается простым как мычание: «все зло от евреев». Как понимаете, уживаться нам было трудновато.

Последней работы Семанова я не читал, думаю, не скоро прочитаю, но с отрывком, попавшим в «Новый мир», ознакомился. Оказывается, Сергей Николаевич некоторое время (уже при Горбачеве) возглавлял жилищную Комиссию в Союзе Писателей – одну из самых важных. Писатели, желавшие улучшить свои жилищные условия, обращались в Комиссию, а она решала – кому дать дармовую квартиру, а кому не давать.

Не буду говорить о чудовищности самой этой практики, когда одни люди, никогда ничего не строившие, могли делать столь дефицитные подарки другим, тоже ничего не строившим и ни копейки не платившим за эти щедроты. Такова была кафкианская система, потому и пошла на слом.

Нетрудно понять, какие темные игры разыгрывались вокруг халявных квартир, какая шла закулисная возня и грызня, какие выставлялись угощения и делались подношения.

Вспоминая те славные дни, Семанов сравнивает Жилищную комиссию с двукрылой птицей: одно крыло русское, второе еврейское. Неформальным лидером русского крыла, по словам Семанова, был он сам, а еврейское представлял не названный по имени прозаик. Правда, по словам Семанова этот прозаик был русским, но находился под влиянием «долгосрочной» любовницы-еврейки.

При рассмотрении заявлений, – откровенничает Семанов, – каждое крыло старалось пропихнуть своих и завалить чужих, но патовой ситуации не возникало: «в нашей важной и сугубо деловой сфере обе партии взаимодействовали разумно и успешно». Обеспечивалась эта «совместимость» тем, что перед официальным заседанием Комиссии лидеры двух группировок встречались и договаривались. «Переговоры осуществлялись примерно так, – живописует мемуарист, – подходил к нему я и говорил, что подал заявление такой-то, ваши его вроде бы недолюбливают, но литератор он хороший, а дела его плохи – жена беременна, теща больная, жить негде, надо помочь... Он обещал, видимо, говорил со своими, все проходило спокойно и благополучно. Или он говорил мне примерно то же: ваши к этому писателю не очень, но жена больна, теща беременна и т. п. Я обещал, говорил с нашими... Оба крыла нашей литературной птицы махали слаженно, и летала она в тогдашних взвихренных небесах вполне спокойно». В качестве примеров слаженного махания крыльями Семанов указывает, что «в ту пору хорошие квартиры получили известный П. Палиевский и еврей А. Нежный, заметный тогда публицист».

Меня восхищает литературное мастерство моего бывшего шефа. Он и сорок лет назад умел красиво вводить в заблуждение (скажем так), а долгие тренировки отточили мастерство: литературная птица, плавно скользящая во взвихренных небесах – это штука посильнее «Плача Ярославны» и фильмов Хичкока. Ослепительно, заставляет зажмуриться. Только открыв и протерев глаза, начинаешь соображать: что это за еврейское крыло такое у птицы-двойки, если его возглавляет еврей по любовнице!

Я не знаю поименно состава той Комиссии, но могу биться об заклад, что никакого «еврейского крыла», в ней не было. И русского крыла не было. Была сплоченная мафиозная группка зараженных «русской идеей»: всех невосприимчивых к этой болезни они назначали евреями. «Известный П. Палиевский» – один из ведущих бациллоносителей, большой умелец по части разоблачения жидо-масонских заговоров. Помните, герой булгаковского романа носит шапочку, украшенную буквой «М»? Думаете, буква означает: «Мастер»? Не угадали. «Масон»! Этот код Петя Палиевский расшифровал. Да за это ему дворец полагалось подарить. Кремлевский. Они – самоназначенные русисты – были уверены, что не сегодня-завтра въедут в него на Белом Конне. Не получилось. Пришлось ограничиться всего лишь квартирой для

известного Пети. Да и ту надо было выторговывать в тонких переговорах с евреем по любви, потребовавшим взамен квартиру для «заметного еврея» А. Нежного. И это в своей родной стране русского развитого социализма. Неудобно, видите ли, еврею Нежному под забором валяться с беременной тещей!

Ну, а если без шуток, то должен заметить, что с Александром Нежным я был знаком шапочно, в метрическое свидетельство его не заглядывал, потому не могу сказать, был ли он евреем по бабушке отца или по беременной вожатой пионерского лагеря, в котором проводил школьные каникулы. Но по литературным произведениям я знаю его хорошо. Он православный христианин, страстно и горячо пишет о судьбах России и Русской православной церкви. Наиболее известна его книга «Комиссар дьявола», изобличающая «воинствующего безбожника» Емельяна Ярославского (М. Губельмана), чье еврейское происхождение в книге, во всяком случае, не замалчивается. Изображен Емельян верховным и наиболее жестоким гонителем церкви. Книга в целом честная, основана на многих архивных документах, но, на мой взгляд, есть в ней и некоторый перебор. Емельян громил все религии – иудаизм не меньше чем православие, да и принадлежал он ко второму эшелону большевистского руководства. Он лишь озвучивал установки и повеления политбюро и лично Ленина, Бухарина, Молотова, Жданова.

Единственный вышестоящий товарищ, с которым у него возникали разногласия, – Сталин. В 1931 году он обратился к вождю народов с предложением написать книгу «Сталин». Сталин скромно ответил, что писать книгу «Сталин» пока рано. Но Емельян знал лучше. И, представьте себе, – не пострадал! Умер в своей постели, похоронен с почетом у кремлевской стены. Неподалеку от того места, где закопали Сталина после выноса из мавзолея. Говорю я об этом к тому, что Ярославский-Губельман до комиссаров дьявола не дотягивал. Он был их лакеем. Хотя и очень усердным и инициативным.

Должен также сказать, что Александр Нежный и сегодня остается «очень заметным» публицистом (не в пример П. Палиевскому). Насколько я могу судить по его публикациям, он природный нонконформист. Русскую православную церковь он защищал, когда она была в загоне, а в последние годы он защищает сектантов, подвергающихся травле и гонениям со стороны некоторых кругов РПЦ.

На поприще этих гонений выдвинулся Александр Дворкин, между прочим, этнический еврей. Он из бывших эмигрантов, работал какое-то время на «Голосе Америки». Тихий такой был очкарик, худощавый, со впалыми щеками и длинным рыжим хвостом волос сомнительной опрятности. Хипшарь. Когда

Советский Союз распался, он реэмигрировал и вскоре занял место главного опричника РПЦ. Выполняет он свои инквизиторские функции вдохновенно. Его бы воля – возвел бы на костер всех, кто крестится двумя перстами. Статья А. Нежного, изобличающая художества этого изувера, проникнута тревогой и болью. Не только за староверов, свидетелей Иеговы, адвентистов седьмого дня и приверженцев других сект, но, главным образом, за судьбу России и русского православия.

Надо обладать цинизмом Сергея Семанова, чтобы причислить А. Нежного к «еврейскому крылу». Русскость Дворкина для него, надо полагать, вне подозрений. Как говорил в свое время Геринг, «я сам решаю, кто у меня еврей, кто нет».

Надеюсь, моя точка зрения понятна. Нет в России противостояния русского и еврейского этносов, а есть бациллоносители антисемитизма. Они эксплуатируют стародавние предрассудки, выдавая себя за единственных выразителей «русской идеи».

Культивировать предрассудки легче, чем с ними бороться, поэтому вполне возможно, что антисемитизм – болезнь неизлечимая. Но я надеюсь, что «наше безнадежное дело» не так безнадежно, как кажется, потому что от антисемитизма страдают не только евреи, но и сам «коренной» этнос. Не может быть свободен народ, преследующий другие народы. Русские не раз убеждались в справедливости этих слов Герцена. Поэтому из их среды выдвигались духов-

ные лидеры, готовые отстаивать терпимость, свободу, человеческое достоинство всех этносов, больших и малых, коренных и некоренных. Полагаю, что рано или поздно русские поймут, что их подлинные духовные лидеры – не семановы и палиевские, даже не солженицины, а такие писатели, как, например, Владимир Короленко. Сегодня таких что-то не видно. Но они были вчера и, я надеюсь, появятся завтра.

Сергей Есин – Семену Резнику

4 февраля 2011 г.

Уважаемый Семен Ефимович! Еще вчера получил Ваше письмо, сразу попытался ответить, написал, но возник при отправке какой-то сбой. Это я к тому, что вчера был запал, как-то я был очень эмоционально настроен.

Но, может быть, письмишко мое до Вас долетело? Тогда повторяюсь и первый тезис – это, конечно, Ваша щедрость. Всю историю с сержантом Соломиным я не знал. Но и в другой Вашей «приписке» много интересного и для меня неожиданного. С человеческим грустным любопытством прочел я и заметки о Семанове, и историю Ганичева. В предыдущем письме я даже написал Вам, что кое-что с Вашего разрешения, я бы процитировал в своих Дневниках. Но вот вчера встретил Ганичева в театре, и стало как-то за него больно – и сам он болеет, и совсем недавно у него умерла жена, а я знаю, что это такое. Жалость подстерегает нас на каждом шагу.

Ваши разговоры с Верой Зубаревой меня и порадовали – все-таки Вы замечательно едко и весело пишете – некоторыми пассажирами окунулся почти в родную атмосферу. Помню, как в свое время меня единожды привлекли к обсуждению жилищного вопроса и кому-то я там помешал. Больше не привлекали. Правда, помню, как мой знакомый Володя Савельев, знакомый шапочно, мне как-то признался, что квартиру получить несложно.

Наверное, и дачу. Я ее, когда просил, не получил. Дело было так, когда мне стало возить покойную Валу за 100 километров на один день тяжело, я написал письмо в Литфонд, председателю, что готов передать в Литфонд свою дачу, но прошу выделить мне комнату в Переделкино. Возможно, чтобы получить что-то в Переделкино, надо было все бросить и только этим заниматься. Сплоченная многонациональная общность здесь безусловно существует. Но все иногда рассыпается от вопросов незаинтересованных людей. Я помню, как во время заседания приемной комиссии, когда одна влиятельная дама выступала против одного из претендентов, я обратил внимание на то, что цитаты, которые она приводила, говорили об обратном. О ком шла тогда речь, я не помню, но хорошо помню, что меня поддержала Инна Анатольевна Гофф²⁴, с которой я не был знаком. Ну и все естественно пошло так, как надо. Но уже давно я сделал вывод, что от писателей надо держаться подальше. Многие позиции Вашего письма я принял к сведению, спасибо. По обыкновению, не перечитываю. Здоровья и удачи. Попадется Ваш роман, я прочту.

С.Н.

Семен Резник – Сергею Есину

8 февраля 2011

Уважаемый Сергей Николаевич!

²⁴ Гофф Инна Анатольевна (24 октября 1928, Харьков – 26 апреля 1991) – русская советская писательница и поэтесса, автор популярной песни «Русское поле» и многих других. (Википедия)

Не ожидал столь быстрого ответа, а сам, как видите, замешкал. Как жаль, что первый вариант Вашего письма (который с запалом) пропал! Бывают такие шутки в интернете, ничего не поделаешь.

Я не совсем понял, в чем Вы увидели мою щедрость. Если в том, что я послал Вам книги, то я вижу гораздо больше щедрости с Вашей стороны. Я хорошо представляю, как атакуют Вас молодые и седовласые авторы со своими нетленками, отталкивая друг друга локтями, но Вы нашли время залпом, можно сказать, их прочитать и одарить меня столь ярким отзывом!

Всякие истории с Литфондом и прочим, мне известны, но, слава Богу, в основном не из личного опыта. Я в свое время один раз обращался в Литфонд за помощью: когда книжку в Детгизе очередной раз отложили (она выходила шесть лет!)²⁵, и я основательно сел на мель. Под гарантийное письмо издательства Литфонд дал мне займы 700 рублей, которые издательство вернуло из моего гонорара через два или три месяца. Этим все щедроты Литфонда для меня были исчерпаны – если не считать двух-трех путевок в дома творчества, всегда за полную стоимость. Этим благом я не мог широко пользоваться, так как работа требовала частого посещения Ленинки или Исторички, так что работать в домах творчества мне было не с руки. Кооперативную квартиру я построил на первую свою книгу, еще до вступления в СП. Дачу просить даже в голову не приходило, в Переделкине ведь обитали небожители, а о других возможностях я понятия не имел, не интересовался. Один раз пытался было поехать с женой в ГДР в порядке индивидуального туризма (за полную стоимость, конечно), но в последний момент меня «не утвердили». Официальное объяснение состояло в том, что за границу я собрался в первый раз. На вопрос, как я могу поехать во второй раз, не съездив первый, Кобенко, тогдашний оргсекретарь Московского отделения²⁶, ничего ответить не мог. Зато было ощущение, что мне от них ничего не надо, это давало какой-то минимум независимости. На днях мне прислали порцию гуляющих по интернету шуток, одна из них мне показалась гениальной: «Суть известной басни Крылова состояла в том, что лишь потеряв сыр – можно обрести свободу слова». Какова трактовка, а? Не этому ли надо учить студентов Литинститута? Жаль, что Вы уже не ректор, а то посоветовал бы Вам взять эту мудрость на вооружение! Я понял, что подсознательно всегда ею руководствовался, и это очень помогало жить и работать – и в Союзе, и здесь, в Штатах.

Ганичева я помню молодым здоровым детиной, то, что Вы о нем сообщили, навеяло грустные мысли. Особых симпатий к нему, как Вы понимаете, я не питаю, но, конечно, жаль человека. Остаться одному на старости лет, с букетом болезней – что и говорить, печально! Все мы неумолимо движемся к заветному пределу...

Володю Савельева²⁷ «в прошлой» жизни я тоже знал шапочно, совсем чуть-чуть, а когда я приехал первый раз отсюда и зашел в Союз [Писателей] за какой-то справкой (уже не помню, за какой), он встретил меня как-то очень сердечно. Это было еще при Горбачеве, то есть СССР еще был и единый СП был, так что меня встретили настороженно, говорили вежливо, но с опаской, это чувствовалось, и вдруг в коридоре я столкнулся с Савельевым. Он очень радушно ко мне отнесся, чуть ли не обнял, тотчас оформил нужную бумагу, подписал у кого надо, и через десять минут я вышел с очень теплым ощущением в душе. Сейчас судорожно пытаюсь вспомнить, что именно мне было нужно, и не могу, как отрезало. Потом, уже когда СП распался, он тоже был очень радужен и буквально уговорил меня «восстановиться» в СП Москвы²⁸. Все,

²⁵ Семен Резник. Завещание Гавриила Зайцева, М, Детская литература, 1981, 128 стр.

²⁶ Должность Организационного секретаря Союза Писателей была учреждена для почти официального надзора над писателями со стороны КГБ. Тот, кто ее занимал, мог вообще не быть писателем.

²⁷ Савельев Владимир Семенович (1934–1998), поэт и переводчик, занимал какой-то пост в Московском отделении Союза Писателей СССР.

²⁸ После развала СССР и Союза писателей СССР из его обломков образовалось несколько писательских Союзов. В Союзе писателей России верховодили национал-патриоты, первым секретарем они избрали В.Н. Ганичева. Союз писателей Москвы возглавили известный критик Валентин Оскоцкий и поэт Владимир Савельев. Они предложили мне, как бывшему члену СП СССР, восстановиться в их Союзе. Когда я согласился, они попросили написать заявление. Я было ответил, что, когда меня

что было нужно, он оформил за пять минут. Так что у меня сохранилось к нему очень теплое чувство. Прожил он после этого недолго, увы...

Ну, а мы с Вами, вопреки всему и несмотря ни на что, будем продолжать жить, работать и получать от жизни возможно больше радости (по-еврейски говорят – *нахес*). Во всяком, случае, от души этого Вам желаю.

Ваш С.Р.

Р. S. Если Вам интересно познакомиться с мой романом «Хаим-да-Марья», то я охотно и с большим удовольствием Вам его пошлю – у меня еще имеется достаточное число экземпляров в запасе. Но хочу оговорить условие, что это не должно ни к чему Вас обязывать.

Сергей Есин – Семену Резнику

8 февраля 2011 г.

Уважаемый Семен Ефимович! Письмо получил, отвечу чуть попозже. Каждое Ваше письмо поднимает во мне ворох воспоминаний.

С.Н.

Не сердитесь.

Сергей Есин – Семену Резнику

11 февраля 2011 г.

Уважаемый Семен Ефимович! Не могу не сказать, что-то меня в Ваших письмах цепляет – свое, личное. Может быть, чисто еврейское понимание «недополученности» в этой жизни. Хотя, с другой стороны, я отчетливо понимаю, что это чувство шлифует душу и воспитывает чувство избранничества. Вас «выперли» – простите за термин – из Москвы, с родины, мне не могут простить увлеченности делом, добросовестности, нежелания примкнуть к какому-нибудь лагерю и быть там верным прихвостнем.

Я отчетливо могу понять, что, выпустив 70 книг в ЖЗЛ²⁹, у Вас были определенные пристрастия, но ведь, судя по всему, было и высокое качество.

Чего мне в этой жизни и в этом кругу не клеили, кроме одного – плохо пишет. В своем, русском кругу я слишком сильный конкурент. Многие годы и, кажется, даже сейчас я являлся секретарем Союза писателей России – [но] меня ни разу не позвали ни на один секретариат и, традиционно между своими распределяя премии, ни разу этим не поманили. Мне все это смешно, но, к сожалению, все это так. Чудная это формула относительно сыра и свободы. Наверное, ее я придерживался всегда, по крайней мере, я никогда и ничего не просил – давали сами.

Когда мне предложили должность главного редактора Литературного вещания Всесоюзного радио, я дерзко сказал: «Я уже полтора месяца жду, когда мне эту должность предложите, потому что ее больше некому предложить». И эта редакция без всхлипов и разгона народа стала лучшей редакцией Радио. Именно в этой редакции впервые после многих лет молчания было упомянуто в эфире имя Гумилева³⁰. Да и многое другое, связанное с подлинной куль-

исключали, никаких заявлений не требовали, потому и восстановить должны без заявления; но тут же понял, что «выпендриваться» перед ними не следует: не они меня исключали, а для восстановления нужно мое формальное заявление.

²⁹ За десять лет работы в редакции серии ЖЗЛ под моей редакцией было издано примерно 60–70 книг – по 6–7 в год.

³⁰ Выдающийся поэт серебряного века Николай Гумилев был расстрелян в 1921 году за мифическую принадлежность к мифической Петроградской Боевой Организации, после чего был изъят не только из жизни, но и из литературы. Его имя

турой и подлинной литературой, было сделано. На взлете карьеры я тихо спокойно ушел по собственному желанию с этого генеральского места.

Меня одновременно волновал Ленин и «Имитатор»³¹. Сыр остался во всеобщей кормушке. Я отчетливо понимал весь социальный пафос советской власти, но при той форме извращенного управления, который стал моделью, я бы никогда не стал ректором Литинститута. Опять не хотел, сидел уже десять лет как свободный художник, и опять получилось: оставим сыр, займемся делом.

Сколько, оказывается, в моей душе нагорело, несмотря на то что кое-что я выговариваю в своем дневнике. Я не человек лагеря, я принадлежу себе, хотя и часто клонюсь по ветру.

«Хаим-да-Марья» я прочту, хотя боюсь, слишком уж Вы хороши как мемуарист и исследователь³². Писал ли я Вам, что с Далем Вы вполне могли бы защититься. Я давал прочесть Даля одному своему другу, эрудиту и доктору, у него такое же мнение. Если хотите, я пошукаю разные пути.

«Хаима» не посылайте, пока не получите книгу от меня. Это будет меня дисциплинировать.

Нахес.

Не перечитываю

С.Н.

Семен Резник – Сергею Есину

11 февраля 2011 г.

Уважаемый Сергей Николаевич!

Только что прочитал Ваше письмо, о чем сообщаю незамедлительно, следуя Вашему примеру. А ответу позднее. Ваш С.Р.

Семен Резник – Сергею Есину

17 февраля 2011 г.

Уважаемый Сергей Николаевич!

Извините, пожалуйста, что так задержался с ответом на Ваше столь теплое письмо. Снова убеждаюсь, что мы в одной лодке! Вы вспомнили, что первым дали на радио материал о Гумилеве, и я в связи с этим припомнил, как пристально мы здесь следили за событиями и, в частности, за тем, как трудно пробивалась правда о Гумилеве. И не только следили, но что-то пытались делать. «Огонек» тогда тоже осмелел, стал флагманом гласности. Вероятно, после Вашей радиопередачи там появился большой очерк о Гумилеве Владимира Карпова, тогдашнего Первого секретаря Союза Писателей. Я впился в эту статью, прочитал залпом. Написана она была очень крепко, добротна, чувствовалось превосходное знание материала, то есть всей жизни Гумилева, понимание его творчества, места в истории поэзии, и все было подано сжато,

нельзя было упоминать в официальных СМИ.

³¹ «В 1985 году шум вызвал роман Есина «Имитатор». Говорят, художник Илья Глазунов увидел в главном герое книги самого себя. Были критики, которые считали, что писатель списал своего героя с Шилова. Но сам Есин утверждает, будто прототипом стал совсем не художник, а один из руководителей советского радио, который свою непрофессиональность скрывал организацией многочасовых летучек и планёрок». (<https://1001.ru/books/item/imitator-3>)

³² Как я понимаю, С.Н. Есин деликатно намекал на то, что литературный уровень моего романа может оказаться ниже моих историко-публицистических произведений.

четко, без сюсюканья. Словом, превосходная статья. Хорошо помню промелькнувшую тогда мысль: откуда бы Карпову так хорошо владеть этим материалом. Но затмила эту мысль концовка статьи, прозвучавшая диссонансом к остальному тексту: два или три очень слюнявых абзаца о том, как-де трудно писать о Гумилеве, который был расстрелян по решению суда, потому реабилитировать его нельзя, но, учитывая заслуги, его следует помиловать. Посмертно – помиловать?! И о приговоре суда три или четыре раза в двадцати строчках.

Что это за приговор суда? Я биографией Гумилева не занимался, многого, что было в той статье, не знал, но о том, что Гумилев был расстрелян бессудно, мне было известно. Будучи очередной раз в Библиотеке Конгресса, я решил это перепроверить. Заказал тот самый номер «Петроградской Правды», на который ссылался Карпов, и прочел в ЗАГОЛОВКЕ: «*По решению Петроградской ЧК расстреляны следующие активные члены Петроградской боевой организации*». Вот так – без всякого суда! В списке, под номером 30 – Гумилев. А всего расстрелянных 61. И каждая фамилия сопровождалась короткой справкой. Я внимательно изучил весь список – кого там только не было! Вплоть до старушек-домохозяек, хотя и пара бывших белых офицеров, оказавших при задержании сопротивление.

Посмотрел я все это, также другие материалы и написал статью в «Новое русское слово»³³ – я тогда там регулярно печатался – об этой придуманной чекистами организации и о трусливом вранье Карпова.

А параллельно со мной, но совершенно независимо, на статью Карпова обратил внимание живший в Нью-Йорке поэт Борис Хургин (которого я никогда не знал). Он был более меня эрудирован в поэзии и сразу углядел, что статья Карпова – это статья не Карпова, а Глеба Струве, крупного литературоведа первой волны эмиграции. Его биографическим очерком открывалось четырехтомное собрание сочинений Гумилева, изданное ИМКА-ПРЕСС. Карпов дословно переписал статью Струве, добавив от себя только ту жалкую концовку! Обе статьи, то есть моя и Хургина, были напечатаны в НРС с разрывом в несколько дней. В России, конечно, на нее никак не прореагировали, но Карпову, надо полагать, доложили. А потом еще попался мне странный, крайне сбивчивый материал в «Новом мире», написанный каким-то генералом, о деле Гумилева, якобы на основании его архивного дела, но там тоже все было запутано и перевернуто с ног на голову. Я послал письмо в редакцию, очень короткое, но получил ответ от Залыгина³⁴, который с пафосом сообщал, что перед журналом стоят великие задачи – вернуть советским читателям произведения классиков-эмигрантов³⁵, потому для моего письма у них нет места. Они-де привлекли внимание к делу Гумилева, а дальше им должны заниматься другие инстанции. Я ему на это ответил, что Гумилевым *другие инстанции* уже занимались. Но это, конечно, было в пользу бедных.

А что касается литературных премий, то в юности я смотрел на них как на знак качества, и старался читать все, что отмечено лауреатством. Но, повзрослев, стал ко всему этому относиться скептически, а еще позднее вывел чуть ли не закономерность: чем больше премий у писателя, тем меньше он писатель. Конечно, нет правил без исключений, но чаще всего это так. Был такой письменник от КГБ Н.Н. Яковлев, прославившийся тем, что, оклеветал А.Д. Сахарова и его жену, потом явился в Горький интервьюировать ссыльного Сахарова, а тот вlepил ему пощечину. Вероятно, Вы знаете, о ком я говорю, но может быть, не помните, что начало его карьеры было ознаменовано книгой «1 августа 1914 года», в которой он «объяснил» Февральскую революцию и поражение России в Первой мировой войне заговором масонов, за что получил премию Ленинского комсомола³⁶. А есть еще поэт Валерий Хатюшин – его Вы

³³ «Новое русское слово» (НРС) – старейшая ежедневная газета на русском языке, издававшаяся в Нью-Йорке.

³⁴ Сергей Павлович Залыгин (1913–2000) – писатель, в то время главный редактор журнала «Новый мир».

³⁵ Благодаря политике гласности в «Новом мире» и других журналах печатались произведения писателей-эмигрантов первой волны, которые ранее были запретными.

³⁶ Яковлев Николай Николаевич (1927–1996) – историк, тесно связанный с КГБ. Его книга «1 августа 1914» была опубли-

тоже, видимо, знаете. Он «защищал» от моей русофобской клеветы В.И. Даля. В связи с этой «полемикой» мне пришлось познакомиться с некоторыми его стишками, из коих я понял, что это озлобленный на весь мир графоман, лишенный дара членораздельной речи: его вирши – это сплошное рычание. Но он лауреат премии Сергея Есенина – может быть, самого тонкого и прозрачного лирика во всей русской поэзии!³⁷ Ничем иным, как надругательством над памятью Есенина и вообще над поэзией, это не назовешь. Ну, да хватит об этом.

Вы уже вторично пишете о диссертательности моей книжечки о Дале и даже беретесь позондировать почву относительно защиты. Спасибо огромное, но вряд ли я займусь этим на старости лет. Должен Вам сказать, когда я закончил эту работу, то я сам писал кому-то, что это готовая диссертация, и будь я помоложе и честолюбивее, то, пожалуй, попытался бы защититься. Но теперь уже это, пожалуй, поздно. В «прошлой» жизни мне не раз приходилось слышать: «Твой Вавилов (Зайцев, Мечников, Ковалевский) – это же готовая диссертация! Ты должен защититься». Однажды, под влиянием таких советов, я заикнулся об этом в разговоре с С.Р. Микулинским, замдиректора Института истории естествознания и техники, член-кором, с которым был неплохо знаком. Его узкой специальностью была история биологии, он читал мои книги, у нас были общие интересы. Когда горела моя книга о Вавилове, он сам на институтской машине отвез меня домой к директору института Б.М. Кедрову, академику. Кедров был директором двух институтов (еще и философии), ни в одном из них обычно не бывал, а где-то представлял или «болел» у себя дома на улице Губкина. Так вот, к «больному» академику он меня и привез. Должен сказать, что тот принял деятельное участие в спасении книги, тотчас ее прочитал и на следующий день выдал мне большое защитительное письмо на официальном бланке³⁸. После этого отношение ко мне Микулинского стало еще более уважительным. Так вот, несколько лет спустя, кажется, уже после выхода моего «Мечникова», я заикнулся – нельзя ли мне превратить одну из моих книг в диссертацию и защитить у них в институте. Ответ его хорошо помню:

«– Ну, это так не делается, вы должны бывать на наших семинарах, делать доклады, участвовать в обсуждениях, мы к вам присмотримся, а года через полтора-два можно будет вернуться к этому разговору».

Поступать на работу к ним или куда-то еще, где платили за ученую степень, я не планировал, и решил без всего этого обойтись.

Конечно, когда я работал в ЖЗЛ, у меня были свои приоритеты, но возможности для их реализации были очень ограничены. Должность моя была самая рядовая. Слабые рукописи, защищенные издательским договором, приходилось вытягивать, иные переписывать от доски до доски, и слава Богу, если авторы при этом не мешали. До сих пор горжусь тем, что удалось зарубить две очень пакостные рукописи, хотя это было очень непросто. Но это отдельная история, может быть, расскажу как-нибудь в другой раз под настроение.

Буду с большим нетерпением ждать Вашу книгу, сообщаю свой почтовый адрес, а Вы сообщите свой.

[Почтовый адрес]

кована в 1974 году и удостоилась премии Ленинского комсомола. В том же году была опубликована его статья-донос «Продавшийся и простак», в которой А.И. Солженицын представлен матерым предателем, продавшимся американским спецслужбам, а академик А.Д. Сахаров – наивным простаком, которого эти же спецслужбы используют втемную. Кульминацией «творческой» деятельности Н.Н. Яковлева стала книга «ЦРУ против СССР» (1979; второе издание: М., «Правда», 1983). В ней Сахаров и его жена Елена Боннэр изображены уже матерыми, сознательными агентами ЦРУ. За оскорбление жены Сахаров и влепил ему пощечину. Текст книги Н.Н. Яковлева выложен в интернете: <http://www.kulichki.com/moshkow/POLITOLOG/yakowlewnn.txt>

³⁷ В.В. Хатюшин – «русский поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, публицист. Лауреат Литературной премии им. Сергея Есенина (2001), а также Международных литературных премий им. М.А. Шолохова и А.П.Платонова (2007). Главный редактор журнала «Молодая гвардия»» (Википедия).

³⁸ Подробнее об участии академика Б.М. Кедрова в спасении моей «идеологически вредной» книги «Николай Вавилов» (серия ЖЗЛ, 1968) см.: С. Резник. Эта короткая жизнь: Николай Вавилов и его время, М., «Захаров», 2017, С. 37.

Всего Вам доброго!
Ваш С.Р.

Сергей Есин – Семену Резнику

4 марта 2011 г.

Уважаемый Семен Ефимович! Уж больно было много дел и Вы, конечно, знаете, как приходится выкраивать время, чтобы и твоя собственная работа не стояла. Стоит. Идут дипломные работы, и многое в них меня раздражает, да в стране так интересно и весело, что не зафиксируй – убежит. Кстати, эта мысль – я только недавно, но во всем объеме внес ее в свой дневник – о совпадениях в восприятии, принадлежит немецкому лингвисту Виктору Клемпереру³⁹. Я только что довольно случайно снял ее с полки и начал перечитывать – «Язык третьего рейха». Много совпадений и много тонких замечаний, соотносимых и с нашим временем.

Соображение относительно статьи о Гумилеве в Вашем письме меня поразило. Идея плагиата, хотя и старая, но меня всегда приводила в изумление. Как же надо не любить себя, чтобы пользоваться чужой славой.

Зачем это понадобилось бывшему разведчику⁴⁰, я тоже не знаю. Полагаю, что это игры обслуги. Вряд ли сам Карпов эту статью бы и нашел. Но опять, зачем?

Из моих последних событий, в них я предстаю, как человек любящий подтравливать окружающих, это мое выступление на Мандельштамовской конференции у нас в Институте. Но это связано с некоторым раздражением, что никто и ничего не читает. На конференцию я пошел только потому, что в списке выступающих числилась М. Чудакова⁴¹. И в этот раз она говорила очень интересно, все остальное было средне. Кое-что любопытное говорил о «Мандельштамовской Москве» ее автор – книга у меня есть, я ее в свое время прочел, но фамилию не помню⁴². Но здесь надо вспомнить еще и мой роман, который Вы в марте, конечно, уже получите. В нем есть три любопытных места, касающиеся О. Э. [Мандельштама]⁴³.

Во-первых, как мне кажется, я в известной мере разгадал загадку отзыва о Мандельштаме Пастернака Сталину⁴⁴. Вовторых, полагая, что О.Э. не каждому встречному читал свое стихотворение «...век-волкодав»⁴⁵, а все же людям своего круга, т. е. пишущим, я задался вопросом: так кто из своих выдал? И на этот вопрос, заданный мною в самом конце собрания, я получил ответ: многим читал, несколько человек, видимо, и написали. Ах, как бы мне хотелось узнать имена этих конкретно выдавших. Но был еще и третий момент отчасти у меня в романе проработанный. Самый последний публичный творческий вечер Мандельштама состоялся в Литгазете, которая помещалась на 2-м этаже нашего дома. А этажом ниже, в бельэтаже, находился, видимо, общий зал. Надо видеть этот зал в нашем институте сегодня. По стенам – три портрета поэтов XX века, которые в последний раз в своей жизни публично читали стихи в этом зале:

³⁹ Виктор Клемперер (*Victor Klemperer*) (1881–1960) – немецкий филолог, писатель и журналист, еврей по национальности, автор знаменитой книги «Язык третьего рейха», составленной после его смерти из его дневников. Русское издание: *Клемперер В. ЛТ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолога*. Пер. с нем. А. Б. Григорьева. // М.: Прогресс-Традиция, 1998.

⁴⁰ Писатель Владимир Карпов в годы войны был разведчиком, был удостоен звания Героя Советского Союза.

⁴¹ Чудакова Мариэтта Омаровна – литературовед. Наибольшей известностью пользуются ее исследования жизни и творчества Михаила Булгакова.

⁴² Речь, очевидно, идет о Л.М. Витгофе и его книге: «Москва Мандельштама. Книга-экскурсия», М. 2006.

⁴³ Сергей Есин. Твербуль, или логово вымысла. Роман места. Книга была получена позднее.

⁴⁴ Отрывки из романа «Твербуль», касающиеся треугольника Мандельштам-Сталин-Пастернак, приводятся в *Приложении 2* к письму от 23 марта 2011.

⁴⁵ Речь, конечно, идет о знаменитом стихотворении Осипа Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...». «Мне на плечи кидается век-волкодав» – строка из другого стихотворения Осипа Мандельштама.

это Есенин, Маяковский и Блок. Все это рассказав, я предложил восстановить историческую справедливость⁴⁶.

Теперь я, как обычно, буду ждать, кто об этом же самом скажет еще раз, но в качестве своего собственного откровения.

Из последних литновостей роман Улицкой – еще не читал, и премия Солженицына Е. Чуковской. Прочел сегодня ее интервью в «Р.Г.» и в связи с этим вспомнил некоторые пассажи из дневника деда⁴⁷.

Здоровья, не забывайте.

С.Н.

Семен Резник – Сергею Есину

4 марта 2011

Дорогой Сергей Николаевич!

Только собрался отправить Вам ответ на прошлое письмо, как получил новое, чрезвычайно для меня интересное!!

Но я на него пока не отвечаю, а посылаю Вам то, что только что закончил (писал в два приема). И с ним посылаю статейку обо мне из ж-ла «Лехаим»⁴⁸ – Вы его вряд ли читаете. Но сначала откройте письмо, а потом уже статейку, хорошо?

Еще раз напоминаю – жду Ваш почтовый адрес, чтобы послать книгу.

Ваш С.Р.

Уважаемый Сергей Николаевич!

Теперь я затянул с ответом и, прежде всего, хочу предложить – давайте не считать себя обязанными друг перед другом в этом отношении. Напишется сразу по получению письма, хорошо, а нет, значит, напишется позже, не будем из этого делать проблемы.

Книгу Вашу буду терпеливо ждать и прошу еще раз сообщить Ваш адрес, чтобы послать Вам мой роман.

Письмо Ваше снова вызвало у меня ассоциации с прошлым – вероятно, это возрастное. Пушкин, едва перевалило за тридцать, стал вздыхать, что лета к суровой прозе клонят, ну, а когда перевалило за 70, то клонит к мемуарам.

Вы, безусловно, правы, что в нашей жизни очень многое зависело от конкретных людей «на местах», ибо перестраховывались по-разному: кто больше, кто меньше, кто от большого ума, кто по глупости, кто от излишней осведомленности, а кто на всякий пожарный. А еще вкусовщина, отсутствие чутья к художественному слову, наконец, мелкая зависть – ведь сколько сидело по редакциям несостоявшихся письменников, озлобленных неудачников, элементарно завидовавших чьемуто успеху!

Сейчас, взглядываясь в те годы, я понимаю, как мне фантастически повезло, что я попал в серию ЖЗЛ, которой тогда руководил Юрий Николаевич Коротков. Это был поразительный человек, причем он сам рос духовно и нравственно на моих глазах, и я, будучи еще очень молодым, неустоявшимся человеком, формировался под этим влиянием. А с чего начался этот

⁴⁶ В том же зале поместить еще один портрет: Осипа Манделштама.

⁴⁷ Елена Цезаревна Чуковская (1931–2015) – внучка Корнея Ивановича Чуковского.

⁴⁸ В ёрнической статье «АНТИАНТИСЕМИТ» редакция журнала «Лехаим» (№ 3, 2011, автор статьи М. Эдельштейн) углядела в моих книгах «предвзятость» по отношению к антисемитам. Для меня это была *ожидаемая неожиданность*. Годом раньше в трех номерах журнала было опубликовано псевдоисторическое изыскание под игривым заголовком «Кровь за кровь, миф за миф: наветы и ответы», автор Галина Зеленина. «Научность» ее сенсационных «изысканий» мало чем отличалась от «розысканий», приписывавшихся Владимиру Далю. Это было показано в моем эссе «Москва слезам не верит», которое вошло в книгу «Сквозь чад и фиимиам». «Ответом» журнала «Лехаим» и стало ерничество «ливрейного еврея» М. Эдельштейна.

процесс, и откуда все это у него пошло, для меня так и осталось загадкой. Он ведь был провинциалом с очень скромным формальным образованием – аж Воронежский пединститут! Да и в том институте, он, как можно было понять с его слов, не столько учился, сколько занимался комсомольской работой, и, будучи энергичным парнем, сразу попал в райком, потом в горком комсомола, оттуда в ЦК (так он попал в Москву). Представляете, каким надо было быть правдоверным и ортодоксальным, чтобы в короткий срок, без связей, проделать такую карьеру! В ЦК комсомола, правда, у него не заладилось. Его взяли референтом к кому-то из высшего начальства, вернее спич-райтером, но эти самые спичи у него не шибко получались, и тогда его спихнули в «Молодую гвардию», и так как диплом у него был исторического факультета, то поставили завоём ЖЗЛ. Тут он нашел себя – не иначе, как на небе был разложен этот пасьянс. Только что прошел 20-й съезд⁴⁹, в публике появился обостренный интерес к исторической правде, стали более доступными архивы, цензура стала мягче, так что все сошлось в один узел волшебным образом.

Сейчас мало кто помнит, что с ЖЗЛ началось возвращение Булгакова. Его «Мольер» именно для ЖЗЛ был написан, но сам Алексей Максимович [Горький] его зарубил, почуввав в подтексте излишнее вольнодумство. А Коротков, зная, конечно, всю предысторию, поставил запретную книгу почти запретного автора в план, пробил и издал! И потом, уже на моей памяти, когда Коротков задумал и осуществил издание альманаха «Прометей», он в один из первых номеров хотел поставить «Понтия Пилата» из «Мастера и Маргариты». Помню до сих пор, с каким упоением мы всей редакцией читали рукопись. Но ситуация тогда еще не созрела, еще несколько лет должно было пройти, прежде чем Симонов сумел пробить роман в «Москве»⁵⁰.

Коротков все время раскрепощался и в этом отношении порой опережал самых именитых и заслуженных авторов, которым, казалось бы, вообще бояться было нечего. Помню, шло у нас переиздание книги Корнея Ивановича Чуковского «Современники». Недавно, кстати, ее снова переиздали в ЖЗЛ, я ее купил и с наслаждением перечитал. Так вот, ее запустили в производство, никаких проблем не ожидалось, и вдруг корректуру затребовал [Ю.Н.] Верченко (тогда он был нашим директором), прочитал, вызвал Короткова и говорит: «А ведь постановления ЦК партии о журналах „Звезда“ и „Ленинград“ никто не отменял. Очерки об Ахматовой и Зощенко надо снять»⁵¹. Наш Юрий своим ушам не поверил. Книга-то уже выходила с этими очерками, никаких нареканий не было, и вдруг – гром среди ясного неба. Все попытки что-то объяснить оказались тщетными. Тогда Юрий пустил в ход последний козырь: как же мы можем снять, ведь это все-таки Чуковский, он ни за что не согласится. «А вы поговорите с ним, попробуйте убедить». Юрий позвонил Корнею, ни в чем, конечно, убеждать его не стал, а просто объяснил ситуацию. Затем снова пошел к Верченко и говорит: «Я говорил с Корнеем Ивановичем, он ни в какую не соглашается. Текст апробирован, никакой критики не было – словом, не хочет снимать. На его стороне авторское право, так что делать нечего, надо издавать в том виде, как есть». «Коли так, – отвечает Верченко, – попросите Корнея Ивановича зайти ко мне».

Коротков снова позвонил Корнею, объяснил, что хочет отстоять книгу в полном объеме, нужно проявить твердость. Корней приехал в редакцию, Коротков проводил его в приемную

⁴⁹ XX съезд КПСС, на котором Хрущев выступил с развенчанием «культы личности» Сталина, состоялся в 1956 году.

⁵⁰ Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» был впервые опубликован в журнале «Москва» в 1966 г., при содействии и с предисловием Константина Симонова.

⁵¹ Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» от 14 августа 1946 года. В постановлении изничтожались произведения Анны Ахматовой и Михаила Зощенко как антинародные, антипатриотические и т. п. Ахматова и Зощенко были исключены из Союза Писателей, их перестали издавать, недавние друзья боялись с ними здороваться. Десять лет спустя, после развенчания «культы личности», о скулдробительном решении партии как бы забыли, произведения Ахматовой и Зощенко снова широко издавались. Однако официально постановление 1946 года было отменено только в 1988 г.

директора, сам остался ждать. И вот буквально через пять минут К.И. выходит и говорит, что согласился снять оба очерка. Юрий наш, как в дерьмо опущенный. А потом еще на собрании всего коллектива книжных редакций Верченко ему добавил: «Нам, товарищи, лучше надо работать с авторами. Вот, например, книга всеми уважаемого Корнея Ивановича Чуковского выходит в ЖЗЛ. Юрий Николаевич Коротков не сумел убедить автора в необходимости снять очерки об Ахматовой и Зощенко. А пришел Корней Иванович ко мне, я ему объяснил, что решения ЦК партии не отменены, мы обязаны ими руководствоваться, и он согласился. Мы все уважаем Корнея Ивановича, но ведь он человек беспартийный, а мы с Вами обязаны проводить партийную линию».

Думаю, что тут был еще и личный подтекст: он мстил Короткову за Копелева⁵². Это было несколько раньше, Верченко только пришел к нам из ЦК комсомола, еще не вполне разобрался что почем, а у нас шла книга Копелева о Брехте. И в это время Копелев попал в черные списки как «подписанец» протестов против судилища над Синявским и Даниэлем. А книга уже была набрана, прошла сверку. Верченко вызвал Короткова, потребовал объяснений, а тот ему говорит: «Кто же мог знать, что Копелев так проштрафится! Автору выписано одобрение, затраты на набор и иллюстрации тоже немалые. Если мы книгу не выпустим, нам с тобой впаяют по выговору за непроизводительные затраты, а если выпустим, то получим по выговору за то, что издали запрещенного автора. Так давай лучше выпустим, книга-то хорошая, и план будет выполнен. А то, вдобавок ко всему сорвем план».

Уразумев, что куда не кинь, все клин, Верченко согласился книгу выпустить. Не сшурипил, что в таких случаях затраты списывают без малейшего писка. Ему, видно, нагорело за этот прокол, и вот он нанес ответный удар.

Не говорю уже про историю с «Чаадаевым» А. Лебедева. Книгу редактировала Галина Померанцева, самый опытный у нас редактор, на ней была вся русская литература. Книга была острая, вся наполнена аллюзиями. Аллюзий хватало и в других наших книгах, но они обычно были упрятаны за специфическими реалиями описываемой эпохи, придраться было трудно. Лебедев же подчеркивал не специфическое, а общее, не скупился на публицистические обобщения, почти прямо перекидывая мостик из николаевской эпохи в нашу лучезарную действительность. Галина пыталась все это смягчать, но автор упирался, уступал очень мало, и когда она заново прочла книгу в корректуре, то наметила еще несколько кусков к удалению – по ее разумению, самый минимум. Но Лебедев снова уперся, и она сказала, что в таком виде книгу в печать не подпишет, так как не хочет потерять работу. После этого Коротков ее обматюгал и сам подписал корректуру, взяв все на себя⁵³. С гонений на эту книгу и начался его закат.

Сколько мне ни приходилось иметь дело и тогда, и после с редакциями, а такого человека, как Коротков, мне не попадалось. Когда в «Знании» шла моя книжка об академике Парине⁵⁴, то в рукописи была глава об его аресте и отсидке во Владимирской тюрьме. Редакторшей была очень милая женщина, у меня с ней были теплые доверительные отношения, это была вторая моя книга у нее. Но когда она прочитала рукопись, она искренне и глубоко на меня обиделась: «Семен, зачем вы это принесли, вы же знаете, что это не пройдет». И такая искренняя была

⁵² Лев Зиновьевич Копелев (1912–1997) – известный писатель и диссидент, германист. Сидел в «шараге» вместе с А.И. Солженицыным. Прототип Рубина в романе А.И. Солженицына «В круге первом». Первая повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича» была напечатана в «Новом мире» с подачи Льва Копелева: именно он принес в редакцию рукопись никому не известного школьного учителя из Рязани. За протесты против преследования писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля Копелев попал в черные списки, после чего не мог печататься под своим именем. Альманах «Прометей», № 7, который я готовил к печати в качестве редактора-составителя (1969), открывается статьей Л. Жуковского «Прометей – друг человечества». Л. Жуковский – псевдоним Копелева. В последующие годы подвергался еще большим преследованиям. В 1980 году Копелеву «разрешили» поехать в Западную Германию, после чего лишили советского гражданства, он вынужден был стать «невозвращенцем». Книга Льва Копелева «Бертольд Брехт» вышла в серии ЖЗЛ в 1966 г.

⁵³ Книга А. Лебедева «Чаадаев» вышла в 1965 г.

⁵⁴ Семен Резник. Лицом к человеку: Подступы к биографии академика В.В. Парина, М. «Знание», 1981 г.

обида, что я почувствовал себя так, словно совершил какую-то ужасную бестактность. Я безропотно снял эту главу. Она, между прочим, до сих пор остается неопубликованной, ибо, когда я уезжал из страны и пришел к Париным прощаться, его вдова Нина Дмитриевна (потрясающая женщина!) попросила меня за границей ничего о Парине не публиковать. Она пробивала какие-то очередные дела, связанный с увековечением его памяти (стипендию его имени или еще что-то), и опасалась, что такая публикация может этому помешать. Я, конечно, ей это обещал.

Всего самого доброго
Ваш С.Р.

Сергей Есин – Семену Резнику

5 марта 2011 г.

Письмо получил, прочел, получил море удовольствия. Есть соображения, пересечения. Чуть попозже обязательно подробно отвечу. Как же интересно жить и размышлять! С.Н.

Семен Резник – Сергею Есину

6 марта 2011 г.

Уважаемый Сергей Николаевич!

Во вторник утром мы с женой уезжаем к сыну (и внукам!) на две недели, предотъездные сборы и проч., но мне очень хочется хотя бы бегло ответить на Ваше интересное письмо⁵⁵. Там (это в штате Колорадо, сын там работает в университете) у меня будет доступ к электронной почте, получать все буду регулярно, но писать – вряд ли смогу.

То, что Вы ведете Ваш дневник столько лет, да еще отважно публикуете его – это огромное культурное дело. Я сейчас очень жалею, что никогда не вел дневников – отчасти из лени, а отчасти меня – будете смеяться – Паустовский попутал. Сильно я им увлекался в юности. Как раз издавалось его собрание сочинений, и я читал с упоением. И вот у него где-то вычитал, что писатель не должен вести дневников: все важное и так осядет в сознании, а что не осядет, то неважно. Я этому как-то легко поверил, и теперь жалею, особенно когда перелистываю старые письма (мало что из них мне удалось вывезти) и нахожу там много интересного и забытого. Но письма – это фрагменты; с систематическими записями в дневнике сравниться не могут.

⁵⁵ Имеется в виду письмо С.Е. Есина от 4 марта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.